

— Хочешь сменить агента?

Эти слова стали первыми, что он услышал от Су Чанлэ во время их привычного вечернего созвона. Сун Нуань к тому времени уже вернулся в свой гостиничный номер после изматывающей смены.

Жертвуя желудком ради великого плана похудения, Сун Нуань остался без ужина. Теперь он с тоской в душе лежал на кровати бездыханным пластом, попутно наложив на лицо тканевую маску.

Юй Яньян следила за состоянием его кожи с усердием, превосходившим даже рвение её кузена, Дэн Цися. Стоило девушке почуять, что подопечный пытается отлынивать от косметических процедур, как она тут же обиженно надулась.

С мужчинами своего пола Сун Нуань ещё мог беззастенчиво препираться, но против ровесницы у него не находилось никаких аргументов. В итоге, виновато улыбаясь, он безропотно нацепил маску сам.

Добившись своего, Яньян упорхнула из номера, на прощание строго наказав снять ткань ровно через пятнадцать минут.

Сун Нуань прикинул время в уме и, созваниваясь с Су Чанлэ, отрицательно мотнул головой, хотя собеседник его и не видел.

— Не надо, — ответил он на предложение сменить агента. — У каждого свои интересы, это естественно. К тому же вреда он мне не причинил. Ты где вообще? — спросил парень, стараясь как можно меньше шевелить губами под маской. — По голосу не похоже, что ты дома.

На самом деле он ещё в начале разговора почуял неладное.

Их отношения пока не переросли в ту стадию безумной близости, когда в разлуке люди ежедневно строчат друг другу сообщения, так что созванивались они не каждый день.

Однако, зная привычки Су Чанлэ, Сун Нуань понимал: будь тот свободен, обязательно набрал бы по видеосвязи.

Сегодня же генеральный менеджер почему-то ограничился обычным голосовым вызовом, да и на фоне у него подозрительно шумело.

— Появились дела в городе, сегодня не вернусь к себе, — туманно отозвался Су Чанлэ, явно не желая вдаваться в подробности.

Настаивать на расспросах Сун Нуань не стал — понимал, что не имеет на это никакого права. Он уже собирался попрощаться и положить трубку, но собеседник его остановил.

— Не вешай трубку, пусть повисит, — с хрипотцой усмехнулся Лао Су.

Он отпустил парочку привычных пошлых шуточек, дабы разрядить обстановку и сгладить возникшую неловкость.

Минуты через три его голос прозвучал совсем тихо, почти шёпотом:

— Отпирай.

— Сказал так, будто и правда у меня под дверью стоишь, — фыркнул Сун Нуань, не поверив ни единому слову. — Я тебе даже адрес гостиницы не скидывал. Какую, к чёрту, дверь тебе открыть?

Он покосился на часы, стянул с лица подсохшую ткань и швырнул её в урну.

На том конце провода повисла подозрительная тишина. Сун Нуаня вдруг осенило, и он резко сел на кровати.

— Да ладно... Неужели ко мне кто-то припёрся с визитом? — бормотал он под нос, сползая с постели.

Шагая к выходу, парень твёрдо решил: если это дурацкий розыгрыш, он выкатит этому топ-менеджеру всё, что думает, невзирая на субординацию.

Но суровая реальность лишила его удовольствия отчитать начальство.

Сун Нуань застыл на пороге, глупо хлопая глазами. Перед ним действительно стоял Су Чанлэ, стягивая с лица чёрную маску. Гость мягко отодвинул его в сторону, проскользнул внутрь и прикрыл за собой дверь, пока хозяин номера пытался переварить увиденное.

— Ну и жара на улице, даже ночью дышать нечем, — Чанлэ бросил маску и кепку на комод и поставил на прикроватную тумбочку шуршащий пластиковый пакет. — Не представляю, как вы, знаменитости, круглый год ходите запакованными в эти намордники. Совершенно нечеловеческая работа.

— Чего застыл на пороге? — Он насмешливо прищурился и поманил парня пальцем. — Иди сюда.

Сун Нуань наконец отмер, запер замок и мысленно перекрестился, надеясь, что в коридорах отеля не дежурят папарацци.

Сам по себе Сун Нуань вряд ли интересовал охотников за сенсациями, но за стенкой жил великий Киноактер Хань. Случись утечка — шуму бы не обошлось.

Отгнав тревожные мысли, Сун Нуань подошёл к постели. Но не успел он присесть, как он сгрёб его в охапку сильными руками, утянул на колени и обжег его губы парой быстрых поцелуев.

— Тьфу, что у тебя на лице?

Романтического воссоединения после разлуки не вышло. Лао Су брезгливо поморщился и попытался отпихнуть Сун Нуаня.

— Я летел сюда сломя голову, задолбался как собака, а вместо тёплого приёма получаю вот это? Что за липкая гадость у тебя на коже? А ну марш умываться!

Сун Нуань так разволновался из-за внезапного приезда любовника, что совсем забыл про остатки косметической эссенции.

Придя в себя, он с хулиганской ухмылкой нарочно потёрся щекой о дорогую рубашку мужчины.

— Сам же звал, а теперь брезгуешь?

Су Чанлэ никогда не строил из себя святошу. Стоило парню немного его подразнить, как мысли генерального директора приняли вполне определённое направление. Запустив ладонь под подол его футболки, он притянул Сун Нуаня к себе и прошептал прямо в ухо:

— Замечаю, что образования у тебя маловато, зато зубы заговаривать ты мастер.

— Польщён-польщён, мне ещё есть куда расти, — Сун Нуань обвил руками шею мужчины, но уже в следующее мгновение его мягко опрокинули лопатками на матрас.

— Скромности тебе не занимать. Не виделись целую неделю. Соскучился? — Су Чанлэ принялся расстёгивать ремень, не сводя тяжёлого потемневшего взгляда с лежащего под ним актёра.

Сун Нуань смотрел на него поразительно открыто — ни капли смущения или желания отвести глаза, хотя он прекрасно понимал, к чему всё идёт.

Су Чанлэ порой искренне недоумевал: что же тогда, во время их первой близости, заставило этого бесстыдника так отчаянно краснеть?

Разгадать эту загадку он не успел. Сун Нуань извернулся ужом, выскользнул из-под его рук и, шлёпая босыми пятками по полу, скорчил забавную рожицу у самой двери в ванную.

— Ты же сам велел мне умыться. Вот я и пошёл!

Парень скрылся за дверью. Когда он вернулся в комнату, смыв маску, оба уже немного остыли.

Су Чанлэ к тому времени успел распотрошить принесённый им пакет и теперь протягивал Сун Нуаню тонкую пластиковую перчатку.

— Острые утиные остова? — Сун Нуань вытаращил глаза, глядя, как холёный генеральный директор с самым довольным видом отправляет в рот пряный кусочек. — Не ожидал от вас любви к уличной еде.

— А ты думал, я питаюсь исключительно амброзией и росой? — Мужчина кивнул, приглашая его присоединиться к трапезе. — Разочарую тебя: это божество прекрасно переносит и рестораны со звёздами Мишлен, и копеечный фастфуд. А уж погрызть острые косточки — это вообще святое.

— Эх, сюда бы ещё пару баночек ледяного пива...

Су Чанлэ болтал, уплетая угощение за обе щеки. Сун Нуань взял перчатку, сел рядом на край кровати, но к еде так и не прикоснулся.

Заметив, что парень лишь молча наблюдает за его пиршеством, директор усмехнулся:

— Брось, перед кем ты тут скромничаешь? Мы давно уже перешагнули эту стадию.

— Да нет, я на диете.

Сун Нуань отложил перчатку в сторону и уселся на кровати по-турецки, изо всех сил стараясь не смотреть на манящее содержимое пакета.

"Какое же мучение... Ночью эти острые деликатесы пахнут просто умопомрачительно"

Но Лао Су и не думал облегчать ему жизнь. Он бесцеремонно ткнул парня локтем в живот и недовольно нахмурился:

— Прекрати нести чушь. С каких это пор тебе нужно худеть?

Мужчина откинулся назад, пристально разглядывая его лицо, и только сейчас заметил, насколько он заметно осунулся.

— Мой герой — бледный задохлик, в чём только душа держится. Что я, по-твоему, должен делать?

Он приподнял край футболки, с грустью рассматривая некогда рельефные кубики пресса, которые начали расплываться из-за отсутствия тренировок.

— Очень надеюсь, что «Ограниченные отношения» выстрелят. На первом же интервью расскажу, как страдал. Считаю, принёс своё тело в жертву великому искусству.

— Не драматизируй. С такой диетой ты до завершения съёмок не доживёшь, ноги протянешь, — Чанлэ стянул испачканную перчатку и легонько щёлкнул его по подбородку. — Если станет совсем невмоготу, я поговорю с режиссёром Хэ. Хватит с тебя голодовок. Обнимать ночью ходячий скелет — сомнительное удовольствие, все бока мне обобьёшь.

Мужчина поднёс к его губам аппетитный кусочек, оставшийся в другой руке:

— А ну, открой рот. Скажи «а-а»...

"Чёрт с ним. Завтра вообще ничего есть не буду"

После секундной борьбы с собственной совестью он зажмурился и сдался, судорожно подсчитывая в уме, во сколько лишних калорий ему обойдётся эта слабость.

Но он так и не успел съесть утку — в дверь вежливо и ритмично постучали.

В ту же секунду экран лежащего на тумбочке телефона загорелся — пришло сообщение от Хань Цзицзина.

«Милый, я пришёл репетировать сцену! ~»

Пару недель назад Киноактер Хань исключительно ради старой дружбы с генеральным менеджером «Сыхуань-юлэ» согласился протащить малоизвестного Сун Нуаня на одну из ключевых ролей в проекте. Пиар-отдел тогда заставил его выкатить в соцсетях приторный пост, увенчанный легкомысленным волнистым знаком.

Называть сопляка без имени и репутации «старшим братом» у Ханя язык не поворачивался. Но

зная, что этот охреневший в край Су Чанлэ способен натравить на него прессу по малейшему поводу, актёр решил пойти на компромисс и использовать максимально нейтральное, но кокетливое «милый». И безопасно, и субординация вроде как соблюдена.

Такое обращение ни к чему не обязывало, да и отлично перекликалось с его прошлыми интернет-публикациями.

Телефон Сун Нуаня лежал экраном вверх, и всплывающее уведомление можно было без труда прочесть. Сидящий рядом директор, разумеется, тоже его заметил.

— Он что, часто заваливается к тебе посреди ночи?

Су Чанлэ замер на полпути, а затем он с ледяным спокойствием запихнул утиное мясо прямо в рот парню.

Кусок оказался самым крупным из всех. Сун Нуань даже промычать ничего не смог — он не мог разжать челюсти из-за еды.

— И это твоя хваленая любовь? Так ты ко мне относишься? — На лице генерального директора отразилась вселенская скорбь.

Сун Нуань: «...» — отчаянно жуёт.

— Даже не попытаешься оправдаться? — драматично вздохнул гость.

Сун Нуань: «...» — мучительно пытается сглотнуть.

— Ладно, я всё понял. Твоё сердце мне больше не принадлежит. Пойду влачить жалкое существование куколда и лично открою дверь твоему новому хахалю.

Су Чанлэ сорвал перчатку, демонстративно поднялся с постели и направился к выходу.

— Совсем больной, что ли? Он по делу пришёл! — Сун Нуань, который обожал острую пищу, но катастрофически плохо её переносил, закашлялся. Он почувствовал жжение в горле. Хватая ртом воздух, он трясущимися руками налил себе стакан холодной воды и хрипло ругнулся.

Стоявший в коридоре Хань Цзицзин даже не подозревал, какая драма разыгрывается по ту сторону двери. У него уже затекли ноги, поэтому он принялся забрасывать Сун Нуаня глупыми стикерами с грустными котятами и щенками.

В этот момент дверь резко распахнулась, и на пороге вырос Су Чанлэ. Актёр от неожиданности

едва не выронил телефон.

Не говоря ни слова, генеральный директор сцапал кинозвезду за шиворот, зажал ему рот ладонью и рывком затащил в номер. Хань Цзицзин от такого бесцеремонного обращения едва не взвизгнул, как резиновая игрушка-курица.

— Твою мать, вы тут что, убийство планировали?! — зашипел он, едва его отпустили. — Если кто-то посмотрит записи с камер наблюдения, решит, что меня похитили пришельцы! Человек просто растворился в воздухе!

Он сердито тёр покрасневшее предплечье, выдавая тираду на одном дыхании, словно репетировал монолог для исторической драмы:

— Был великий актёр — и нет его! Знали бы вы, на что способны мои фанатки, если со мной что-то случится. Они бы тебя живьём закопали!

Су Чанлэ молча и неторопливо взглянул на свои наручные часы. Он не приглашал незваного гостя пройти дальше, но и за дверь не выставлял.

Стрелки показывали половину двенадцатого ночи.

Выпустив пар, Цзицзин наконец включил голову. Он оглядел помятого директора и прищурился:

— Погоди. Мы же сегодня сменили локацию и переехали в другую гостиницу. Какого чёрта ты притащился сюда посреди ночи?

Актёр был крайне изумлён:

— Вы... вы что, реально мутите?

<http://bllate.org/book/19980/2038416>